

1590 года.¹ «Мерило праведное» во второй редакции отличалось от отдельного юридического сборника XIII века «Мерила праведного» первой редакции, во-первых, порядком расположения статей и, во-вторых, тем, что оно встречается только в составе Кормчих книг. «Градские» законы, которые составляют основную часть «Мерила праведного», в контексте Кормчей оттеняли идею компромисса «священства» и «царства». Владельцами трех из пяти известных списков «Мерила праведного» первой редакции были московские митрополиты и патриархи.²

В XIV—XV веках мы не знаем сколько-нибудь оригинальных обличений неправосудия. Митрополит Алексей и митрополит Фотий,³ игумен Иосиф Волоцкий в 15-м «слове» «Просветителя» в той или иной степени подражали древнейшему «Мерилу праведному».

Иван Волк Курицын переписывает начало первой редакции «Мерила праведного», ставя на первое место перед Кормчей статьи о «праведном суде». «Мерило праведное» Ивана Волка Курицына требует справедливого великокняжеского суда, уравнивающего в правах и богатого боярина, и служилого дьяка, и купца, и инока, и сироту, и вдову, и нищего, и убогого. Неограниченное право великого князя распоряжаться жизнью и смертью подданных объявляется основой всего государственного строя. Как известно, автор «Повести о Дракуле», вышедший из посольской среды, оправдывает безграничное, деспотическое самовластие Дракулы. Та же тема «праведного» суда и самодержавной власти характерна и для дворянской публицистики Пересветова XVI века. «Егда судишь, имей страх божий и целомудрие», — поучает «Мерило праведное». Мысль, что мудрость имеет в конечном итоге своим источником «страх божий» через «откровение пророк» и «науку блаженную», характерна и для «Лаодикийского послания» Федора Курицына и для приписки к «Еллинскому летописцу Ивана Черного».⁴

Отрывок из Иоанна Златоуста «О цареve достоинстве», можно думать, переписан не случайно: Иван Волк Курицын мог разделить взгляд на «свободный ум» (термин Иоанна Златоуста) как на основное достоинство царя. «Се есть царь истинен, иже воздержится от ярости и зависти, и сладости, и ум свой соблюдет свободен и не дасть владети над своею душою владычеству сладостному, иже бо ум приставит над страстьми душевными, то крепко может владети над человеки божественным законом и быти предстатель подручником своим, со всякою кротостью беседа. По всем градом того ради бых нарекл царя землю, морю и гладом, и людем, и воем, а иже жаелает над человеки имети власть ярости и буести и сласти работая, то первое будет посмешен людем, зане злат венец носит украшен камением драгим, целомудрием не венчаяся, а тело его все хламидою покрыто просветися, а душа его скверна оастая. Потом же не вестъ, како власть свою исправить и жен до собою не умея владети и на нех, како может вести к божию закону. Царь венцем ума не приищет, ум бо царствует. Простии цареve прежде жертвою о правоверии беседуют, перед питьем ум и целомудрие, пред исполнением о мужестве».⁵

Сравним это интересное место с теорией царской власти Иосифа Волоцкого. «Царь бо божий слуга есть к человеку милостью и казнью. Аще ли же есть царь над человеки царства, над собою же имат царствующа

¹ ГПБ, КБ, № 1/1079.

² М. Н. Тихомиров, ук. соч., стр. 105.

³ См.: В. Ф. Ржигя. Максим Грек как публицист. Труды ОДРЛ, I, стр. 44—45.

⁴ ГПБ, КБ, № 21/1098, «Лаодикийское послание», л. 4; БЛ, Пискаревск. собр., № 597, Еллинский летописец, л. 420.

⁵ БЛ, фонд., № 187, л. 26 об.